

Богословско-историческая коллекция
**Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России**

Экономцев И.Н.

**«ПИСЬМО СВОЕЙ ЦЕРКВИ»
СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ
ПАЛАМЫ**

Богословские труды. Юбилейный сборник,
посвященный 300-летию Московской
Духовной Академии (1685-1985).
С. 293-315

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Московская православная духовная академия
www.mpda.ru

Москва, 2014

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

Юбилейный сборник Московской Духовной Академии

*И. Н. ЭКОНОМЦЕВ,
преподаватель Московской Духовной Академии*

«ПИСЬМО СВОЕЙ ЦЕРКВИ» СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ

В последнее время со стороны православных богословов, католических и протестантских исследователей, а также светских историков наблюдается заметное усиление интереса к исихазму и к богословскому наследию святителя Григория Паламы. Этот интерес обусловлен многими причинами. Академическое богословие, по существу, заново открывает для себя исихазм, в течение долгого времени преданных забвению и дискредитированных римско-католическими полемистами. Оценки последних настолько прочно вошли в «научный» обиход, что в некоторых распространенных изданиях прошлого века в России св. Григорий Палама и его сподвижники пренебрежительно именовались сектою исихастов или паламитов¹.

Только в конце XIX в. в России появляются первые серьезные работы, в которых предпринимаются попытки дать объективную православную оценку творений св. Григория Паламы и других исихастских авторов². К сожалению, однако, исследователи имели тогда доступ лишь к ничтожной части их произведений, находившихся в своем большинстве в неопубликованных и неизученных рукописях. В настоящее время положение в этой области радикально изменилось. За последние два десятилетия издано много творений св. Григория Паламы, его соратников и последователей, что дало ценный материал для изучения их церковно-общественной и богословской деятельности, открыло для нас новые грани и глубины их учения.

Современный интерес к исихазму обусловлен, однако, не только издательским бумом, который сам по себе, строго говоря, является следствием этого интереса. Дело тут, по нашему мнению, в том, что исихастское учение последовательно и убедительно раскрывает сущность Православия. Именно по этой причине исихасты вызвали на себя нападку со стороны римо-католиков, хотя видимых причин для этого, казалось бы, не было: вопреки до сих пор бытуемому мнению к полемике с латинянами они не особенно стремились, а в своем «Исповедании» св. Григорий Палама, за исключением Filioque, не касается других спорных вопросов с Римом. Мистическое и антиномичное учение исихастов явилось, однако, антитезой томизму — официальной идеологии Рима, и с этой точки зрения исихастские споры ознаменовали собой более глубокий водораздел между двумя вероисповеданиями, чем конфликты времен Константинопольских патриархов Фотия и Михаила Керулария. Но значение исихастских споров для судьбы христианства значительно шире. Главный противник св. Григория Паламы — калабрийский монах-рационалист Варлаам явился, по существу, предтечей Реформации. Осудив концепции Варлаама и отвергнув его рационалистическое богомудрствование, Православие оградило себя от опасности, которая через полтора века вызвала глубочайший кризис в недрах западного христианства.

В эпоху упадка религиозной жизни как на Западе, так и на Востоке, повсеместного распространения рационалистических воззрений учение св. Григория Паламы о возможности живого общения (лицом к лицу) человека с Божеством, познания непознаваемого Бога, выхода человека за пределы его тварной природы явилось мощным стимулом для духовного возрождения в православном мире. И хотя идеи св. Григория Паламы органически вытекают из всего святоотеческого богословия, ему, несомненно, потребовалось дерзновенное мужество, чтобы впервые четко и ясно заявить о различии сущности и энергии Божества. Это, не сразу понятое современниками, учение о двух модусах бытия Божия — Бога в Себе и Бога вне Себя, Бога трансцендентного, непостижимого, и Бога, полностью, без остатка отдающего Себя человеку в энергии, в благодати, — позволило св. Григорию Паламе, не впадая в пан-

теизм, решить проблему века — проблему живого общения человека и Бога, которая оказалась не под силу рационалистам, оперировавшим заимствованными у Аристотеля спиллогизмами.

В век, когда неоплатонизм пропитывал все стороны интеллектуальной и духовной жизни в Европе (под его влиянием находилась даже западноевропейская схоластика), богословие св. Григория Паламы явилось важным этапом на пути преодоления платоновского дуализма между духом и материей, сознанием и плотью, чувственным познанием и гносисом на основе возвращения к библейскому пониманию человека как целостного психо-соматического организма. Благодаря исихазму драма европейского Возрождения не повторилась на Востоке. Как же контрастирует спокойная уравновешенность и совершенство фресок Рублева и Дионисия, где земное и небесное сливаются в обожженной человеческой природе, с душевным разладом и адowymi муками Микеланджело и Дюрера, не сумевших примирить дух и плоть, чувство и разум!

Вопреки предпринимавшимся попыткам представить исихастов чуть ли не иконоборцами и губителями Палеологовского Ренессанса³, исихастское учение явилось идейной основой расцвета искусства и культуры в странах византийско-славянского мира. Богословие св. Григория Паламы представляет собой, в сущности, развитие определений Седьмого Вселенского Собора и Константинопольского Собора 869—870 гг. по вопросам иконопочитания. По словам В. Лосского, «почитание иконы есть в известном смысле начало видения Бога»⁴. Не это ли «видение» Бога, созерцание Славы Божией является важнейшим элементом исихастского учения?

Так называемые «исихастские» Соборы в Константинополе 1341, 1347 и 1351 гг., на которых получило признание учение св. Григория Паламы и были осуждены его противники (Варлаам, Акиндин и Никифор Григора), занимают особое место в истории Православной Церкви. Хотя формально эти Соборы носили поместный характер, их решения получили одобрение всей Полноты Православной Церкви. Эти решения признал, в частности, в 1354 г. при рукоположении в Константинополе святитель Алексей, митрополит Московский и всея Руси. Уже современники сравнивали Собор 1351 г. по своему значению с древними Вселенскими Соборами. Действительно, Собор 1351 г. по своим решениям сопоставим с Первым Вселенским Собором, осудившим Ария, который отрицал Божественность Христа и устранил возможность реального общения человека с Богом. Не по аналогии ли со «столом Православия» — святителем Александрийским Афанасием, сыгравшим столь важную роль в борьбе против арианства, св. Григорий Палама был назван «светочем Православия»? Собор 1351 г. явился продолжением Шестого Вселенского Собора (в вопросе о Божественных энергиях) и Седьмого Вселенского Собора (в вопросе о Боговидении). Он несомненно оказал глубокое воздействие на всю последующую историю Православной Церкви и наложил свой неизгладимый отпечаток на характер религиозно-духовной и культурной жизни православных народов.

В связи с тем, что было сказано, вполне закономерен тот интерес, который испытывают наши современники к главным участникам драматических событий середины XIV в. и, особенно, к св. Григорию Паламе. Понятно, что все сведения о «светочех Православия», сохранные нам историческими документами и церковным преданием, имеют для нас бесценное значение. И, конечно, наше внимание не может не привлечь «Письмо своей Церкви»⁵, написанное св. Григорием Паламой в 1354 г. в турецком плену, самое «личностное» произведение вождя исихастов и великого богослова.

В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина хранится небольшая икона с погрудным изображением св. Григория Паламы (инв. № 2853), написанная, по-видимому, вскоре после его кончины (1359) и канонизации как святого (1368). Линейно-орнаментальные приемы, использованные неизвестным иконописцем, не только не помешали ему сохранить индивидуальные портретные черты Солунского архиепископа, но и помогли с большой художественной силой выразить внутренний динамизм его образа. Яркие блики под глазами и на лбу Святеля создают впечатление света, излучающегося из таинственного мрака его зрачков. Перед нами подвижник, непоколебимый поборник Православия, причастник Божества. Таким предстает св. Григорий Палама из его богословских и полемических произведений, таким предстает он и из «Письма своей Церкви». Но это только одна сторона его существа. «Письмо своей Церкви» приоткрывает и другую его сторону, антиномично земную. Здесь св. Григорий Палама не только отец Церкви и богослов, устами которого говорит Дух Святой, но и живой человек с человеческими интересами.

Григорий Палама любит слово и литературную работу. И хотя это ясно из самих

его произведений, написанных тщательно отточенным языком, признание архиепископа в том, что литературное влечение еще не до конца оставило его⁶, нарушает предствление о нем как о человеке, чуждом интересам интеллектуальной писательской элиты Византии Палеологовского Ренессанса. Вождь исихастов наделен чувством собственного достоинства и без ложной скромности высоко оценивает свою общественно-религиозную деятельность⁷. Он не лишен чувства юмора, и оно помогает ему переносить выпадающие на его долю невзгоды. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать написанный с несомненным литературным мастерством отрывок его «Письма», где изображается капитан-самоувер, по вине которого архиепископ и другие пассажиры корабля становятся пленниками турок⁸. Григория Паламу живо интересует все, что окружает его: природа (в своем письме, например, он дает красочное описание Якинфова монастыря⁹ и деревни около летней резиденции эмира Орхана¹⁰), городские постройки, образ жизни турок, их обычаи и нравы. Смело и самозабвенно он защищает свои убеждения в диспутах с турками. Но даже в острой полемике с ними Солунский архиепископ проявляет сдержанность и такт. «Тем временем, — пишет он, — находящиеся рядом христиане, видя, что турки вот-вот разгневаются, знаками показали мне, что пора прекращать говорить. И я, чтобы разрядить обстановку, с легкой улыбкой сказал тем: «Если бы мы были согласны со словами друг друга, то придерживались бы одного учения. Но способный понять пусть поймет значение сказанного»¹¹.

«Письмо своей Церкви» интересно не только тем, что оно по сравнению с другими произведениями св. Григория Паламы наиболее полно запечатлело индивидуальные черты святого подвижника и одного из самых глубоких мыслителей поздней Византии. Оно содержит целый ряд ценных сведений, касающихся его религиозной и общественной деятельности.

Первый и весьма любопытный вопрос, который вытекает из «Письма своей Церкви», связан с целью поездки св. Григория Паламы в Константинополь, с целью неосуществленной, поскольку архиепископ Фессалоники оказался вместо Константинополя в Малой Азии в качестве турецкого пленника. Сам Григорий Палама, подробно описавший свои злоключения, ни слова не говорит об этом, что не может не навести на размышления. Естественно предположить, что цель поездки была такова, что автор письма по достаточно веским причинам предпочел не касаться этого вопроса.

Никифор Григора, который в тот период (после удаления Варлаама на Запад в 1341 г. и смерти Акиндина в 1351 г.) был главным идейным противником вождя исихастов, утверждает, что Солунский иерарх в качестве вымышленного предлога своей поездки в Константинополь ссылался на необходимость встречи с неким Проклом. На самом же деле, заявляет Григора, целью Григория Паламы было побудить императора Иоанна Кантакузина предать его, Григору, как «поборника благочестия» «лютой смерти». Архиепископ Фессалоники, по словам его противника, торопился также доставить в Константинополь новые книги, написанные против «благочестия». И, наконец, он якобы ехал в столицу для того, чтобы дать Кантакузину столь желанное для него благословение на борьбу с его зятем и бывшим соправителем Иоанном V Палологом¹².

Впрочем, субъективизм и эгоцентризм Никифора Григория науке хорошо известны; поэтому к его утверждениям сразу же нужно отнестись с определенным вниманием. Характерно, что прекрасный знаток этой эпохи В. Паризо не счел даже целесообразным упомянуть о первых двух «причинах» поездки св. Григория Паламы в Константинополь, высказанных Григорой, но он принял на веру его третью версию. Архиепископ Фессалоники, по словам В. Паризо, «отправился в Константинополь несомненно для того, чтобы оживить общественное мнение в пользу Кантакузина»¹³.

Такая интерпретация полностью соответствует до сих пор господствующей в науке точке зрения, согласно которой идейные и политические взгляды императора Иоанна Кантакузина и монашеской партии исихастов были тождественны. О. Тафрали пытался объяснить это тождество совпадением социальных и экономических интересов. За исихастскими спорами он видел конфликт двух сил: богатой знати и народной партии. Таким образом, исихасты становились у него выразителями интересов феодальной верхушки¹⁴. Несостоятельность этой концепции убедительно показал протоиерей И. Мебендорф, обративший внимание на то, что исихасты, будучи представителями тенденции «нестязательности» в монашестве, не могли быть защитниками крупного монастырского землевладения и, как таковые, выступать в качестве союзников светских феодалов¹⁵. Однако сам факт тождественности концепций Кантакузина и Григория Паламы у него, по-видимому, не вызывал сомнений. Считая возможным принять предложенное Г. М. Прохоровым понятие «политического исихазма», он интерпретиро-

вал его как политику, проводимую императором Кантакузином и патриархом Филофеем¹⁶.

Известно, что влиятельная партия исихастов не поддержала антикантакузиновский государственный переворот, совершенный в октябре 1341 г. Апокавком и патриархом Иоанном Калекасом. Известно, что Иоанн Кантакузин после отречения от власти в 1355 г. и пострижения в монахи под именем Иоасафа стал одним из идейных вождей исихазма и писал произведения в защиту учения св. Григория Паламы. Но можно ли, исходя только из этих, несомненно, очень важных фактов, проводить безусловную параллель между политической императором Кантакузином и идейными концепциями исихастов и даже политикой императора Кантакузина и взглядами экс-императора Кантакузина, принявшего имя Иоасафа?

Личность Иоанна Кантакузина является сложной и до известной степени противоречивой. Он оказался во главе Византийского государства, когда от прежней могущественной вселенской империи остались лишь осколки: Константинополь, Фессалоника и часть Пелопоннеса. Парадоксальным образом византийская культура и искусство переживают в этот момент период удивительного взлета, но это цветет на стебле умирающего растения. Общество сознает это и мучительно ищет выход. А выхода только два: в политической области — союз с Западом или союз с единоверными православными народами, в церковной — уния с Римом или Православие, в культурной — сохранение традиционных духовных ценностей или обращение к языческому прошлому, на основе которого в латинских странах создавалась культура Возрождения. Иоанн Кантакузин хотел совместить и то и другое, но не путем органического синтеза, который был невозможен, а путем лавирования, искусной дипломатической игры, и тем самым лишь усугубил положение.

Прозападные «гумансты» первоначально видели в Кантакузине «своего человека». В лице Димитрия Кидониса они приветствовали его приход к высшей власти как наступление новой эры. «Твоей власти, — писал Кантакузину Кидонис, — радуются народы и города, острова и континенты... нас же они считают счастливыми, ибо император дружественен нам». По его словам, Иоанн VI «остротой ума и здравым смыслом» превосходит «всех хоревтов Платона». При таком василевсе, «украшенном полной мудростью, добродетелью и (всем) наилучшим, законы расцветают и мудрость свободно высказывается»¹⁷. Образ Кантакузина в глазах Кидониса сливается с образом идеального правителя совсем в духе западноевропейского Ренессанса.

Нет ничего удивительного в том, что человек, который давал своим современникам считать себя просвещенным монархом, взял под свое покровительство образованного калабрийского монаха Варлаама, прибывшего в Византию для изучения античных авторов. Из «Истории» Никифора Григоры мы узнаем, что своей карьерой калабрынец обязан именно Кантакузину, который осыпал его почестями, пригласил к себе для изъяснения ему лично учения св. Дионисия Ареопагита и рекомендовал другим в качестве преподавателя «мистических догматов Церкви»¹⁸. Сам Кантакузин отмечает у Варлаама «острый ум», исключительные способности «излагать свои мысли», глубокое знание сочинений Евклида, Аристотеля и Платона. Он признает, что Варлаам пользовался вниманием и почестями императора Андроника III Палеолога, а также не в меньшей степени был любим великим домашником, т. е. Кантакузином, и утомившись с его стороны благодеяний, и «ничего не хватало ему для достижения успеха»¹⁹. Следует иметь в виду, что все это было написано Кантакузином тогда, когда Варлаам соборно был признан еретиком и врагом Православия.

Отношения между Кантакузином и Варлаамом не ограничивались лишь интеллектуальным общением. В 1333—1334 гг. Варлаам в качестве представителя Константинопольского Патриархата принимал участие в диспуте с доминиканскими монахами, прибывшими в Византию для переговоров об унии. В 1338 г. он представил Константинопольскому патриарху предложения о переговорах с Римом об унии Церквей. В 1339 г. Варлаам отправился в поездку на Запад, где от имени византийского правительства вел переговоры, в частности, с главой Римско-Католической Церкви, о совместных действиях христианских государств против турок и восстановлении церковного единства. Нет оснований видеть в этих переговорах одностороннюю акцию императора Андроника III. Реальная исполнительная власть в стране и, прежде всего, вопросы внешней политики в тот период всецело находились в руках всемогущего министра — великого домашнего Иоанна Кантакузина. Не случайно, конечно, и то, что на протяжении своей длительной политической деятельности Кантакузин постоянно возвращался к идее переговоров с Римом. Как только Кантакузин утвердился в Константинополе в качестве императора, он сразу же направляет к папе Клименту протопрестария Спанопулоса, претора Сиггироса и некоего Франсиса, длительное время

находившегося у него на службе²⁰. В июле 1367 г. бывший император Кантакузин в присутствии своего зятя императора Иоанна V Палеолога ведет переговоры от имени Византийского государства и Православной Церкви с легатом папы Павлом, носящим громкий титул «патриарха Константинопольского», в ходе которых высказывает мысли, удивительным образом перекликающиеся с тем, что 28 лет назад говорил в Риме Варлаам²¹.

Кантакузин, по-видимому, оказался в сложном положении, когда возник острый конфликт между Варлаамом и афонскими монахами. Весьма любопытный эпизод произошёл на Соборе 1341 г., созванном для разрешения спора между Варлаамом и св. Григорием Паламой. Когда чаша весов стала явно клониться в пользу паламитов, Варлаам подошел к Кантакузину, сидевшему рядом с императором, и попросил помощи и совета, как избежать угрожающего ему осуждения. Тот сказал калабрийцу, что «теперь» (то есть при том обороте, которое приняло дело) он ничего не может сделать в его пользу, и дал ему разумный совет отказаться от попыток одержать победу, покаяться, «признать при всех, что раньше он не знал истины, а теперь познал ее»²². Варлаам так и поступил. Св. Григорий Палама и его сторонники, как и предсказал Кантакузин, с радостью простили Варлаама. После этого император и патриарх сказали должное обеим сторонам о мире и распустили Собор. Через несколько дней Варлаам, честолюбие которого не могло вынести создавшегося положения, уехал в Италию, где стал учителем Петрарки и католическим епископом.

Собор 1341 г. показал, что св. Григорий Палама как признанный лидер исихастов превратился в серьезную политическую силу. Своим авторитетом и влиянием он, по существу, затмил патриарха. И как раз в это время политическая обстановка в Константинополе резко изменилась. После смерти Андроника III у руководства государством оказались две группировки: Кантакузина, с одной стороны, и императрицы Анны Савойской, патриарха Иоанна Калекаса и Апокавка — с другой. Кантакузин сразу же оценил все преимущества, связанные с союзом с паламитам. Только таким образом он мог нейтрализовать влияние патриарха и привлечь на свою сторону церковные круги. Отношение Иоанна Калекаса к св. Григорию Паламе было двойственным: патриарха, несомненно, тяготило влияние вождя исихастов, но вместе с тем он не хотел его толкать в лагерь Кантакузина и потому сначала пытался найти с ним определенный *modus vivendi*. Что касается св. Григория Паламы, то он сразу же занял принципиальную позицию сторонника гражданского мира. Исходя из этого, он осудил государственный переворот, совершенный антикантакузинитами, поскольку было совершенно ясно, что это означает начало гражданской войны. «Когда обстановка стала развиваться не так, как следовало, что должно было нам делать?» — писал св. Григорий Палама афонским монахам. — «Возбуждать одних сограждан против других или побуждать их понять, что они являются частью одного тела и не должны обращаться с согражданами, как с варварами?.. Таким образом, мы были избраны жребием стяжателями мира»²³.

Объективно такая позиция в тот момент была более выгодна для Кантакузина, чем для его противников, сохранявших за собой Константинополь, что, конечно, не могло не оказать влияния на взаимоотношения исихастской партии с той и другой стороной. И все же союза Кантакузина и вождя исихастов в ходе гражданской войны не возникло. В своих произведениях св. Григорий Палама постоянно отзывается с глубоким уважением не только об императрице Анне Савойской, но и о главном противнике Кантакузина — Апокавке²⁴. Последний, по крайней мере, дважды защищает его от патриарха: в октябре 1341 г. и в сентябре 1342 г. В результате противодействия императрицы Иоанну Калекасу так и не удалось соборно осудить учение св. Григория, и, наконец, при ее поддержке паламиты низвергают патриарха.

С другой стороны, любопытно отметить, что, во всяком случае, до Собора 1351 г. Кантакузин проявлял чрезвычайную сдержанность по отношению к антипаламитам. В 1351 г. император дает гарантию безопасности Акиндину. Через единомышленников последнего Кантакузин призывает его не возбуждать разногласия, прикрываясь другими лицами, а открыто выступить против тех, кто не согласен с ним. Тогда он «или победит, если вывратся, что скорее он первенствует в благочестии, или, потерпев поражение, пусть исправляется и не ведет себя дерзко»²⁵. Это была позиция вполне естественная для руководителя государства, не заинтересованного в усилении внутренних распри. Нежелание антипаламитов признать постановления предыдущих Соборов, их постоянное требование пересмотра уже решенных вопросов не могли, в конечном счете, не ожесточить против них Кантакузина, но не настолько, чтобы вызвать репрессии в полном смысле слова. В 1354 г. император предпринял попытку прими-

рения с Григорией, которого с этой целью посетил его сын и соправитель Матвей Кантакузин²⁶.

Характерно, что именно в это время имело место серьезное обострение отношений между императором и значительной частью исихастов, результатом чего явилось низложение патриарха Каллиста. И, что интересно, этот конфликт произошел по той же самой причине, по которой афонские монахи отказались в свое время поддержать переворот, совершенный против Кантакузина. Исихасты и в этот раз проявили себя как партия гражданского мира, расценившая решение Кантакузина о лишении власти его зятя Иоанна Палеолога и провозглашении императором-соправителем сына Матвея, независимо от того, какими причинами он мотивировал это, как опасный шаг, ведущий в тупик все попытки достигнуть компромисса и прекратить гражданскую войну.

Комментируя конфликт между императором и патриархом, В. Паризо замечает, что Кантакузин не призвал вместо Каллиста на патриарший трон епископа противоположной партии и, таким образом, будучи паламитом, так и остался им²⁷. В связи с этим, однако, резонно спросить: мог ли он поступить иначе? Мог ли он в условиях всеобщего недовольства его политикой пойти на риск конфликта с монашеской партией, всю силу влияния которой он испытал? Тем более, что в этой партии были люди, которые, руководствуясь либо личными расчетами, либо убежденностью в том, что только Кантакузин в силу его дарований способен спасти страну, готовы были идти за ним до конца. К числу этих людей принадлежал Филофей Коккин, заменивший Каллиста на патриаршем троне. Можно ли к числу этих людей отнести и св. Григория Паламу?

С 1351 до февраля 1354 г. св. Григорий Палама безвыездно находился в Фессалонике, служившей резиденцией Иоанну V Палеологу. В качестве главы церковной администрации города он неизбежно должен был поддерживать тесные, практически ежедневные контакты со светскими властями и двором. Нет никаких данных о том, что сотрудничество между ними было омрачено какими-либо конфликтами или недоразумениями. И это в период гражданской войны между Палеологом и Кантакузином, в период, когда последний официально заявил о низложении своего зятя! Вопреки этой акции Григорий Палама продолжал признавать Палеолога императором. Следует признать, что вождь исихастов остался верен своим принципам, выступая в качестве убежденного сторонника гражданского мира. И если в тот период, когда власть в Константинополе находилась в руках Апокавка и Иоанна Калекаса, подобная позиция св. Григория Паламы была более благоприятной для Кантакузина, то теперь ее можно расценить как более выгодную для Палеолога, особенно с учетом военных неудач, которые стали преследовать его с начала 1353 г.

В феврале 1354 г., т. е. сразу же, как в Фессалонике стало известно о коронации Матвея, вождь исихастской партии, лишь незадолго до этого оправившийся от тяжелой болезни, спешно отправляется в Константинополь. Из текста «Письма своей Церкви» видно, что он отплыл из Фессалоники на императорской галере, совместно с Иоанном Палеологом²⁸. Письмо не оставляет никаких сомнений в том, что во время поездки между архиепископом и Палеологом имели место откровенные конфиденциальные беседы, так что св. Григорий Палама, по его словам, «имел возможность все знать о деятельности Константинополя как на суше, так и на море»²⁹.

Прибыв с Иоанном V на о. Тенедос, св. Григорий Палама пробыл там несколько дней. И хотя у нас нет об этом прямых данных, можно считать несомненным, что он встречался с находившимся там Каллистом, продолжавшим считать себя патриархом и предававшим анафеме Филофея. Иоанн Палеолог, заметив, признавал Каллиста единственным законным патриархом. Нетрудно себе представить, какие вопросы обсуждались ими и что говорил Григорий Паламе Каллист. Позиция архиепископа для нас менее ясна и определена. Но, видимо, она такой и была в действительности. Ясно лишь одно: он был поборником гражданского мира, нормализации положения в государстве и Церкви и в качестве такового ехал в Константинополь³⁰. Филофей в энциклике святителю Григорию, написанном в связи с его предстоящей канонизацией как святого, говорит, что тот отправился в столицу для примирения царей, вынужденный уступить настоятельным просьбам Палеолога³¹.

Итак, вождь исихастов предпринял в феврале 1354 г. поездку в столицу Византии не для того, чтобы убедить Кантакузина в необходимости предать Никифора Григору «лютую казнь», хотя он, вероятно, и был обеспокоен попытками Кантакузина пойти на сближение с антипаламитами в целях обеспечения себе более широкой политической поддержки. Он поехал туда не для того, чтобы вдохновить Кантакузина на борьбу с Палеологом, а чтобы примирить их. Вполне вероятно, что инициатором

этой миссии был Палеолог, но весьма сомнительно, чтобы св. Григорий Палама вез в Константинополь конкретные предложения с его стороны. В самом деле, что могли предложить Кантакузину низложенные император и патриарх? Солунский архиепископ должен был говорить с Кантакузином от собственного лица и от имени влиятельной партии исихастов. Он должен был говорить об уступках — и принципиальных уступках — со стороны Кантакузина (Палеологу и Каллисту уступить было нечего). Вряд ли и Кантакузин и Филофей были бы рады этой миротворческой миссии.

Последнее обстоятельство, возможно, проливает свет на то, почему св. Григорий Палама больше года вынужден был оставаться в турецком плену. Филофей в энциклионе св. Григорию Паламе говорит, что Кантакузин пытался добиться освобождения Солунского архиепископа, но говорит слишком неопределенно и глухо³². Сам Кантакузин не касается этого вопроса. Из «Письма своей Церкви» видно, что турки требовали от Григория Паламы выкупа лично. Архиепископ Фессалоники не говорит о каких-либо иных условиях его освобождения.

Через восемь месяцев после пленения Солунского архиепископа обстановка в Константинополе изменилась. Столпцей неожиданно овладел Иоанн Палеолог, а Кантакузин отрекся от власти. Филофей вынужден был уступить патриарший трон Каллисту. Для новых светских и церковных руководителей, так же как и для их предшественников, освобождение св. Григория Паламы не было первоочередной задачей. И Кантакузину и Палеологу вождь исихастов был нужен как влиятельный союзник, но не как самостоятельная политическая сила, действующая подчас вразрез с их интересами.

Освобождение пришло неожиданно и, как говорит патриарх Филофей, «чудесным образом»: св. Григорий Палама был выкуплен сербами, которые, «подвигнутые Богом», дали Орхану богатый выкуп³³. Своим освобождением он оказался обязан «царю греков и сербов» Стефану Душану, до последних дней своей жизни не терявшему надежды создать единую греко-славянскую империю, противостоящую туркам. С этой целью он во второй раз (в первый раз это было в 1347 г.) попытался привлечь на свою сторону вождя исихастов.

Ишифор Григора дает свою версию освобождения св. Григория Паламы. По его словам, архиепископа выкупил не кто иной, как Кантакузин, обеспокоенный якобы деятельностью Григория после утверждения в Константинополе Иоанна Палеолога. Действительно, в этот период Григора был освобожден от «домашнего ареста» в монастыре Хоры, принят при дворе и получил полную свободу проповедовать свои концепции³⁴, так что его домыслы имеют какую-то основу. И тем не менее они остаются домыслами. Если бы Кантакузин имел какое-либо отношение к освобождению св. Григория Паламы, Филофей не упустил бы отметить это в своем энциклионе, а он, несомненно, был в курсе дела.

Весной 1355 г. св. Григорий Палама возвратился в Константинополь. В рукописи Athous Esphigmenou 107 (2120) редактор энциклона Филофея выражает удивление в связи с тем, что он не нашел ничего в нем относительно триумфальной встречи св. Григория и счел необходимым сделать вставку из 12-го Слова Филофея против Григория, где говорится, что в то время, когда корабль, на борту которого находился архиепископ, входил в порт, народ, собравшийся на пристани, услышал пение ангелов³⁵. Сам Филофей, оставивший патриарший трон, вероятно, не был свидетелем встречи: в это время он должен был уже находиться на Афоне. Возможно, он не хотел писать о торжественной встрече, главным действующим лицом которой должен был быть его соперник Каллист. А может быть, такой торжественной встречи и не было, и упоминание Филофея о пении ангелов, т. е. о божественном признании заслуг св. Григория, призвано было подчеркнуть неблагодарность «лежащего во зле» дальнего мира.

Сам архиепископ Фессалоники говорит, что после возвращения он служил в Святой Софии совместно с патриархом Каллистом литургию, на которой присутствовал император. Иоанн Палеолог принял от него благословение. И далее архиепископ добавляет, что император видел в нем непоколебимого защитника благочестия³⁶.

Св. Григорий Палама скончался 14 ноября 1359 г. В 1363 г. патриарх Каллист приказал собирать сведения о совершенных им чудесах, т. е. начал подготовку к его канонизации как святого. На специальном заседании под председательством императрицы-матери Анны Савойской церковные власти в Фессалонике заслушали свидетелей, подготовили соответствующий документ и отправили его в Константинополь. На основе этого документа Филофей, заменивший умершего Каллиста на патриаршем троне, составил энциклон и службу в честь св. Григория Паламы. С учетом сказанного вряд ли можно рассматривать его официальную канонизацию как акцию Филофея и Кантакузина и видеть в этом их «важную внутривластную» победу над окружением

Иоанна V Палеолога накануне подписания им унии с Римом, как это полагает Г. М. Прохоров³⁷.

Кстати говоря, в отношении Филофея и Кантакузина к факту принятия Иоанном V католичества было слишком много двусмысленного и противоречивого. Нам представляется, что этот шаг Палеолога входил в планы Кантакузина, который, стремясь совместить несовместимое, путем хитроумной политической игры (православный патриарх и католик-император) пытался снять (а не решить!) дилемму, перед которой стояла Византия.

Хотелось бы затронуть теперь другой важный аспект, нашедший отражение в «Письме своей Церкви». Он связан с положением греческого православного населения на оккупированной турками территории и позицией св. Григория Паламы и партии исихастов по турецкому вопросу.

Отношение турок-мусульман к покоренному населению основывалось на «священном законе» (Seri'a) и той интерпретации, которая давалась ему мусульманскими теологами и государственной властью. В соответствии с мусульманской религией мир делился на две части: государство ислама (Dâr el Islâm) и государство неверных (Dâr el Harb). При этом первое государство должно было находиться в состоянии перманентной священной войны (Gihad) против другого, вплоть до полного торжества над ним. Священная война признавалась естественным состоянием, и перемирие разрешалось не более, чем на 10 лет. Среди неверных, правда, делалось различие между язычниками, которые должны были выбирать между исламизацией и физическим уничтожением, и «народами Библии», то есть христианами и иудеями, которые могли сохранить свою жизнь и свою веру за выкуп. Однако их личная свобода была ограничена. Они могли проживать лишь в определенных кварталах городов, обычно бедных и загрязненных. Им запрещалось собираться в большом числе. Они не могли повышать голоса на мусульман, должны были уступать им дорогу. Мусульманам, в свою очередь, не разрешалось вести с христианами и иудеями дружеские беседы, приветствовать их, выражать им свое сочувствие и соболезнование. Христианам надлежало брить переднюю часть головы, им запрещалось носить оружие³⁸.

Право «народов Библии» сохранить свою веру, строго говоря, было обусловлено не свободой вероисповедания, а тем, что их религии были просто терпимы. Один из толкователей Корана в этой связи замечает: «Нельзя сказать, что их религия разрешается, потому что как может быть разрешено нечестие? Ей просто не мешают»³⁹. Однако и это определение не является совсем точным. Христианские храмы закрывались и превращались в мечети. Насильственная исламизация de jure не допускалась, но de facto она существовала. Христиане платили налоги, по крайней мере, в два раза более высокие, чем мусульмане. В случае любого судебного разбирательства виновная, а зачастую невинная сторона становилась перед выбором: наказание или исламизация (принятие мусульманства автоматически освобождало от вины). Если к этому добавить эпизодические взрывы религиозного фанатизма у мусульман, приводившие к массовому истреблению христианского населения, то картина представляется весьма безотрадней. Но нужно сразу же сказать, что такое положение существовало далеко не всегда и характер взаимоотношений между турками-победителями и покоренным христианским населением в каждый конкретный период зависел от конкретных исторических условий.

С этой точки зрения, живое свидетельство св. Григория Паламы представляет несомненный исторический интерес, особенно, если учесть, что этот документ является единственным такого рода памятником XIV в. Прежде всего следует заметить, что архиепископа Фессалоники трудно заподозрить в симпатиях к туркам, в стремлении идеализировать и обелить их. Турки для него — это «наибольшие варвары из всех варваров»⁴⁰. Для Григория Паламы весь образ их жизни несовместим с ценностями византийской цивилизации, ибо «живут они постыдно, не по-человечески и богопротивно, подобно Исаву, с детства ненавистному Богу и лишенному отцовского благословения: они живут луком, мечом, в распутстве, находят удовольствие в порабощении людей, убивая, грабя и похищая, предаваясь бесчинству, разврату, содомскому греху. И они не только совершают все это, но и вследствие какого-то безумия полагают, что Бог одобряет их действия. Вот что я теперь думаю о них, лучше узнав образ их жизни», — говорит Солунский архиепископ⁴¹. Вместе с другими товарищами по несчастью он на себе испытал все физические лишения и моральные муки, связанные с пленением, шантажом и вымогательством турок, стремившихся получить максимальный выкуп за пленников.

И тем не менее, жизнь малоазийских греков в изображении св. Григория Паламы оказывается вполне сносной. Автор письма не приводит ни одного факта грубого

притеснения или бесчеловечного отношения турок к подвластному населению. Нет сомнений, что, если бы ему пришлось столкнуться с такими фактами, он бы не замедлил сослаться на них. Напротив, два мира, и две цивилизации, как видно из письма, мирно сосуществуют, между ними нет непреодолимой стены, они живут рядом, переплетаясь многочисленными нитями взаимоотношений. Христиане и турки вступают в беседы между собой и ведут дискуссии по вопросам веры. Турки убеждены, что они и греки веруют в одного и того же Бога, и их лишь удивляет, почему христиане не хотят признать пророком Магомета, в то время как они признают и почитают Христа. «Настанет когда-нибудь время, когда мы придем к согласию друг с другом», — мирно заметил св. Григорию Паламе один из турок в конце довольно острой богословской дискуссии⁴². В таком подходе отчетливо проявился дух религиозного синкретизма, весьма характерный для турок этого периода. На базе религиозного синкретизма и пытались решить турецкие руководители главную для них внутриполитическую проблему — проблему объединения различных этнических групп, проживавших на покоренной ими территории. Вот чем объясняется та настойчивость, с которой они ставят перед св. Григорием Паламой один и тот же вопрос: «Мы признаем Христа; почему вы не хотите признавать Магомета?» Этот вопрос задает ему внук эмира — Исмаил⁴³; этот же вопрос задают ему турки от имени самого эмира Орхана в конце беседы архиепископа с хионами⁴⁴.

Во время пути св. Григория Паламы по Малой Азии его окружали толпы соплеменников. Он давал им благословение и вел с ними беседы. И все это на глазах у турок, которые ни в чем не препятствовали ему. Когда пленников приводили в какой-нибудь населенный пункт, конвоиры расходились по своим знакомым и позволяли пленникам размещаться по своему усмотрению в домах единоверцев. Нужно полагать, что это не было обусловлено особым положением архиепископа, поскольку вместе с ним находились пленники, которые не имели к нему никакого отношения и были светскими людьми.

В плену св. Григорий Палама постоянно ведет с турками дискуссии по вопросам веры. По крайней мере, дважды эти дискуссии возникают по инициативе турок (Орхана и его внука), но архиепископ и сам не упускает случая вступить в диспут с мусульманами. Причем, как он дает понять, во многих случаях ему удается убедить собеседников в правоте своей веры. Беседы св. Григория Паламы с турками по вопросам веры интересны не только своим богословским содержанием, но и тем, что раскрывают взгляды вождя исихастской партии на турецкую проблему в целом. В диспуте с хионами, который был организован по распоряжению Орхана и на котором присутствовали его представители, архиепископ сказал, что правитель, «и особенно обладающий властью над многими народами, должен иметь знание о всех учениях, причем истинное знание»⁴⁵. Вот почему, подчеркнул Григорий Палама, он хочет говорить о своей вере. Не скрывается ли за этим признанием стремление убедить эмира встать выше мусульманской религии и выше интересов турок как части новой многонациональной империи? И даже более того: св. Григорий Палама говорит, что эмир должен иметь «истинное знание», а это для архиепископа не могло не быть тождественным с признанием истинности христианского учения. Таким образом, св. Григорий Палама давал Орхану свой контрвариант решения проблемы единства Османского государства, проблемы, которая, как мы уже отмечали, столь занимала в тот период турецких правителей. Несмотря на то, что баланс в столкновении двух религий в Малой Азии был не в пользу христианства, вождь исихастов, видимо, все-таки полагал, что положение там может радикально измениться. Именно поэтому архиепископ, как он сам признается, согласился с турецким собеседником, выразившим надежду, что когда-нибудь греки и турки придут к согласию в вопросах веры. Он высказал даже пожелание, чтобы это время пришло как можно скорее. Правда, св. Григорий Палама не исключал, что это может случиться только после второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа⁴⁶.

Имели ли эти надежды вождя исихастов какие-либо основания? Безусловно, имели. За это говорил тысячелетний опыт существования Византии и ее взаимоотношений с соседними «варварскими» народами. И хотя XIV в. стал для Константинополя временем политического угасания, ореол императорской власти и обаяние византийской культуры были настолько сильны, что, буквально, гипнотизировали турок. Следует также иметь в виду, что турки столкнулись с исламом в период острой борьбы в мусульманстве между ортодоксальными суннитами и шиитами. Это было время возникновения в исламе различных мистических и синкретических тенденций, а недавнее языческое прошлое делало турок особо восприимчивыми к еретическим учениям синкретического характера. В позиции турецких правителей еще не было той

идейной нетерпимости, которая появится позднее, в XVI в., после завоевания Портой Багдада, когда турецкие султаны станут властителями исламского мира и когда проблема взаимоотношений турок с покоренным греческим населением приобретет для них второстепенный характер.

Положение малоазийских греков в середине XIV в., как это видно из «Письма своей Церкви», выгодно отличалось от положения греков на территориях, захваченных западными державами. Достаточно почитать переписку венецианских правителей на Леванте с дожами Венеции, чтобы раскрылась во всей неприглядности картина угнетения православного населения и политики его насильственной католизации⁴⁷. Объективно в тот момент турецкое господство было для православных греков наименьшим злом. Но св. Григорий Палама и другие исихасты не стояли на протурецких позициях. Такие измышления исходили, нужно полагать, из лагеря византийских «гуманистов», которые, ратуя за союз с Западом, утверждали, что альтернативой этому может быть лишь турецкое господство: Запад или турки, *tertium non datur*. Но третий выход в данном случае существовал.

Естественно, в творениях исихастов нельзя найти политических доктрин. Но позиция их по проблеме взаимоотношений с Западом и Востоком была вполне ясной. Исихасты XIV в. исходили из традиционной концепции православной экумены, которая в их сознании все больше олицетворялась с идеей византийско-славянского единства как фактора духовной и культурной жизни и как антитезы ориентации на Запад, негативные последствия которой становились все более очевидными. Главным духовным центром византийско-славянского мира становится Афон, где многонациональная братия, подвигнутая Духом Святым, не зная племенной вражды, как единая семья, работала во имя Божие. В Грамоте, данной Зографскому монастырю в 1342 г. болгарским царем Иоанном Александром, говорилось, что Афон является «пристанищем ко спасению всякой души христианской... ибо строителями на этом Святом месте были не одного только рода или двух, но есть общее место для ищущих спасения... ради этого здесь находятся строения каждого племени и народа православного...»⁴⁸.

Выражаясь современным языком, исихасты объективно создавали духовную основу для политического единения греков и славян, необходимого для противодействия враждебным устремлениям с Запада и Востока. Не случайно в монастырях Афона, греческих и славянских, возносились молитвы не только за императора византийского, но и за благочестивого царя «болгар и греков» Иоанна Александра и за благочестивого царя «греков и сербов» Стефана Душана. И если благодаря дипломатическому искусству Кантакузина и помощи его турецких друзей Стефану Душану, воспитанному с детских лет в Константинополе в благоволенной отношении к византийской культуре, не удалось осуществить его великую идею и создать византийско-славянскую империю на Балканах, это не означает, что такая идея была нереальна. И может быть, «чудесное» избавление св. Григория Паламы из турецкого плена славянами, «подвигнутыми Богом», как говорит патриарх Филофей, имело особый символический смысл. Но он оказался тогда непонятым. И черная ночь турецкого господства спустилась на Балканы.

Труды исихастов, однако, не пропали даром. Византия и после падения продолжала жить в монастырях Афона, Палестины и Синая, в пещерах Киева, в монастырях земли Новгородской, на Белом озере, на берегах реки Москвы и Клязьмы, куда все чаще с надеждой устремляли свои взоры византийские исихасты XIV в. И нам кажется, не следует обвинять в неадекватности византийские церковные и светские власти, которые в период смертельной опасности для Константинополя как самой неотложной проблемой занимались вопросами Русской митрополии. Это был, может быть, не совсем осознанный ими исторический императив. В этом был Промысл Божий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, Справочный энциклопедический словарь, т. 5, СПб., 1849.

² Игумен *Модест*. Святой Григорий Палама, митрополит Солунский, поборник православного учения о фаворском свете и о действиях Божиих. Киев, 1860 (будучи первым произведением, написанным в целях реабилитации учения св. Григория Паламы, оно в значительной степени проникнуто полемическим пафосом); Епископ *Порфирий* (Успенский). Восток христианский, т. 3. Киев, 1877; *Ф. Успенский*. Очерки по истории византийской образованности. К. *Ф. Радченко*. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898;

П. А. Сырку. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898; Епископ Алексий (Добрынищ). Византийские церковные мистики XIV века. «Православный собеседник», 1906, июль—август.

³ См.: В. И. Лазарев. История византийской живописи, т. 1. М., 1947, с. 225; он же. Феофан Грек и его школа. М., 1961, с. 17.

⁴ V. Lossky. Vision de Dieu. Neuchâtel. 1962, p. 140.

⁵ Рукописи сохранили нам три письма, написанные св. Григорием в турецком плену. Первое известно как «Письмо своей Церкви» (в рукописи — «Письмо, которое он, будучи пленником, направил из Малой Азии своей Церкви»). Оно адресовано пастве архиепископа Фессалоники. В нем рассказывается об отплытии св. Григория Паламы с острова Тенедос в Константинополь, высадке турецкого десанта около Галлиполи, пленении архиепископа, лишениях и унижениях, которые ему пришлось претерпеть от турок; подробно описываются события одного из дней, проведенных им в Никее, и, в частности, его диспут с турками по вопросам веры; затем следуют пастырские наставления солунянам. Во втором письме, написанном от имени врача Таронитиса, сообщается о диспуте св. Григория Паламы с хионами. Третий текст представляет собой часть первого письма с внесенными в него незначительными изменениями; адресован он неизвестному лицу. Этот последний текст впервые был издан в 1890 г. М. Трё по рукописи XIV в. Upsaliensis Bibl. Unio № 28 под названием «Письмо Григория Паламы монаху Давиду Дисипату» (*M. Treu. Δελτιον της ιστοριης και εθνολογιης εταρειας*, 3, 1890). Мнение Трё о том, что письмо адресовано Давиду Дисипату, встретило, однако, аргументированные возражения со стороны последующих исследователей, в частности, протоиерея И. Мейендорфа (*Jean Meyendorff. Introduction à l'étude de Gregoire Palamas. Paris, 1959*). «Диспут с хионами» издал в 1892 г. А. Саккеллон (*Σωτηρ*, 15, 1892). Основой издания послужила афинская рукопись Atheniensis Bibl. Pat. 1379, датированная XV—XVII вв., и, наконец, «Письмо своей Церкви» было издано в 1922 г. К. Диовунитисом по рукописи XV в. Athous Pantel. 215/5722. Все эти издания весьма неудовлетворительны, поскольку каждое из них основано лишь на одной рукописи и не содержит необходимого критического аппарата.

Выполнив огромную по объему работу, Анна Филиппидис-Браат провела сравнительный анализ большого числа рукописей св. Григория Паламы из турецкого плена и осуществила их новое критическое издание в «*Travaux et mémoires*», 7. Paris, 1979. С изданного ею текста сделан наш перевод «Письма своей Церкви».

В 1972 г. Г. М. Прохоров опубликовал перевод письма св. Григория Паламы от имени Таронитиса на современный русский язык со славянских списков, хранящихся в рукописных отделах ГПБ, ГБЛ и ЦГИА (Труды отдела древнерусской литературы, XXVII. Л., 1972).

⁶ Письмо своей Церкви, 4.

⁷ Там же, 7.

⁸ Там же, 5.

⁹ Там же, 19.

¹⁰ Там же, 13.

¹¹ Там же, 29.

¹² *Greg. Hist. Bonnae*, XXIX, p. 226—227.

¹³ V. Parisot. Cantacuzène, himme d'état et historien. Paris, 1845, p. 285.

¹⁴ O. Tafraли. Thessalonique au XIV siècle. Paris, 1913, p. 203.

¹⁵ J. Meyendorff. L'Introduction à l'étude de Gregoire Palamas. Paris, 1959, p. 97.

¹⁶ И. Ф. Мейендорф. О византийском исихазме и его роли в культурном и политическом развитии Восточной Европы в XIV веке. «Труды отдела древнерусской литературы», т. XXIX. Л., 1974, с. 291—305.

¹⁷ М. А. Поляковская. Общественно-политическая мысль Византии. Свердловск, 1981, с. 30.

¹⁸ *Greg. Hist. Bonnae*, XIX, I, p. 923.

¹⁹ *Cant. Hist. Bonnae*, I, p. 543.

²⁰ *Cant. Hist. Bonnae*, IV, p. 53.

²¹ См. Г. М. Прохоров. Публицистика Иоанна Кантакузина. «Византийский вестник», т. XXIX, 1969, с. 328.

²² *Cant. Hist. Bonnae*, II, p. 553.

²³ J. Meyendorff. Introduction..., p. 97.

²⁴ Там же, p. 98.

²⁵ *Greg. Hist. Bonnae*, XVIII, I, p. 874.

²⁶ *Greg. Hist. Bonnae*, XXVIII, 44, p. 204—205.

- ²⁷ V. Parisot. Op. cit., p. 275.
- ²⁸ Письмо своей Церкви, 4.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ J. Migne. P. g., t. 151, col. 626 A.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же, col. 627 B.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Greg. Hist. Bonnae, XXIX, p. 252.
- ³⁵ J. Migne. P. g., t. 151, col. 1131 BC.
- ³⁶ J. Meyendorff. Introduction..., p. 163.
- ³⁷ Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе. Л., 1978, с. 18.
- ³⁹ Ιστορία του ελληνικού έθνους, αθηναί, том I, σελ. 114.
- ³⁹ Там же, с. 40.
- ⁴⁰ Письмо своей Церкви, 3.
- ⁴¹ Там же, 8.
- ⁴² Там же, 29.
- ⁴³ Там же, 14.
- ⁴⁴ ТОДРЛ. Л., 1972, XXVII, с. 368.
- ⁴⁵ Travaux et memoires. Paris, 1979, 7, p. 171. В переводе Г. М. Прохорова со славянского текста: «Человеку, имеющему в своей власти многие народы, необходимо быть правдиво осведомленным».
- ⁴⁶ Письмо своей Церкви, 29.
- ⁴⁷ Т. Флоринский. Политическая и культурная борьба на греческом Востоке в первой половине XIX века. Киев, 1883.
- ⁴⁸ П. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке, т. I. СПб., 1898, с. 57.
-

Того же (св. Григория). Письмо, которое он, будучи пленником, направил из Азии своей Церкви

1. Смиранный митрополит Фессалоники всем детям и братьям моего смирения, возлюбленным в Святом Духе, богоугоднейшим епископам, владыкам Церкви, а через них всем, кто жаждет узнать о наших делах: пусть щедро дарует вам Бог Свою вечную милость и благодать и мир (Рим. 1, 7).

2. Право же, приговоры Бога, я хочу сказать, Его провидение в отношении нас, есть бездна великая (Пс. 35, 7), ведь высота и глубина Его мудрости непостижимы — это познали мы еще от богооткровенного Давида. Однако есть люди, которые, я сказал бы, по слабости ума, точно в головокружении от приговоров Бога, в муке и жутком падении, или нечестиво отрицают Провидение, или безрассудно осуждают образ жизни тех, кто находится в несчастье, или даже порой добродетель и саму веру, к позору своему, считают пустой и бессмысленной. Благоразумный же человек, чем больше он созерцает эту бездну и высоту и достигает их путем размышления, тем больше он выражает свое изумление перед незримым и зримым.

3. Я расскажу вашему милосердию то, что, по крайней мере, я понял в отношении Божественного Провидения, будучи уведен пленником в Азию и наблюдая, как христиане и турки живут и ходят попеременно, управляют и находятся в подчинении. Мне кажется, в результате такого положения дел о деяниях Господа нашего Иисуса Христа, над всеми Бога, возвещается наибольшим варварам из всех варваров с тем, чтобы они не были безответны (Рим. 1, 20) во время грядущего Страшного суда, который близок уже. В силу этого и мы, как можно видеть из того, что произошло, были преданы в их руки. Вместе с тем это явилось также легким наказанием за наши многочисленные прегрешения перед Богом, так как страдающие ныне от зла, предаются огню, но слабому, в то время как тех, кто причиняет зло, если они не раскаются в неверии и жестокости, ждет огонь неугасимый.

4. И если бы литературное влечение, давно оставленное мною, не ушло почти совсем из моей души, никогда бы я не нашел предмета, более всего мне подходящего и дающего столь обильный материал для литературного труда. Я, в частности, мог бы в нем рассказать о деяниях наших правителей, ибо до Тенедоса мы плыли вместе на царской триере (оттуда я отправился в Вифинию и Месофинию). Таким образом, я имел возможность знать все о деятельности Константинополя как на суше, так и на море, а с другой стороны, и о том, что я не решаюсь назвать карой и лишением нашего народа милости свыше — я имею в виду, прежде всего, землетрясение¹ этого года, которое, как говорит поэт², не только погубило дома и иму-

щество, но и сделало также тела и души добычей собак и всякого рода хищных птиц, наделенных разумом и лишенных его. Однако же, чтобы не огорчать вас, жаждущих узнать о моих делах, полным молчанием, я расскажу в меру своих сил и возможностей кое-что из случившегося со мной.

5. Итак, через несколько дней после этого землетрясения мы взошли на отходящий от Тенедоса корабль восьмисот медимнов³ — о, если бы мы этого не сделали! — и отплыли с попутным ветром, но с капитаном-самодуром, а, скорее всего, просто глупцом и врагом своего корабля. В то время, как мы плыли к Галлиполи, ветер, изменив направление, подул нам навстречу. Мы же не отступили и вместо того, чтобы плыть туда, куда нас гнал ветер, предпочли сопротивляться ему — и это ночью и в непогоду! Оказавшись в крайней опасности в результате отважных действий славного капитана, мы, придя, наконец, к соглашению, повернули обратно, покорившись натиску ветра — а это был неистовый северный ветер, который вынес нас назад к Галлиполи. Но так как вследствие землетрясения, о котором шла речь, этот город оказался в руках ахеменидов — их мы теперь называем турками — и причалить к его пристани было невозможно, мы переместились несколько дальше и, сбросив все якоря, сделали остановку вблизи побережья.

6. На рассвете — ветер к этому времени ничуть не стих — мы все увидели турок, передвигающихся в боевом порядке по суше и по морю. Так как их было великое множество, а гребцы гребли очень быстро, казалось, что они соединили противлежащие материки, торопясь напасть с восточного континента на проживавших напротив них ромеев с целью грабежа. Поскольку все это происходило на наших глазах, мы все стали просить капитана возвратиться на Тенедос, чтобы не оказаться заодно добычей турок на наше горе. Но так как он не соглашался, мы, к несчастью, имевшие его в тот момент капитаном, неразумно доверившие этому морскому разбойнику самих себя, и подарки ему предлагали и богато вознаграждение все ему обещали. Мы ему указывали и на уготованную нам, болтающимся на якорях, неотвратимую опасность в случае, если ослабнет сила ветра. Он же продолжал упорствовать и храбрился по поводу ожидаемого нападения врагов. Но когда северный ветер стих, варвары напали на наш корабль со своих кораблей, которые были скорее военными кораблями, чем небольшими транспортными судами. Начался бой, и, что тут много говорить, мы жалким образом были захвачены в плен в немалом числе.

7. И вот мы были приведены все вместе сначала в Лампсак. Сразу же с этого момента у меня и моих товарищей по плену невзгоды, связанные с рабством, были общие: нас лишили одежды и самого необходимого; мы испытывали разного рода телесные страдания, у меня же еще болели внутренние органы, из тела источался гной, конечности были почти парализованы⁴. Вдобавок ко всему, до варваров дошел явно благожелательный для меня шум, поднятый местными ромеями, в неумеренных словах хвалившими и мое воспитание, и личные качества и публично обсуждавшими борьбу, которую я вел в защиту Церкви⁵ — так говорили они. Ее они ставили выше всех нынешних битв, что, по моему мнению, не противоречит истине, точнее же сказать, я нахожу это верным лишь по существу. Этот ажиотаж, однако, не имел для меня совершенно никакой пользы, так как у предводителя⁶ варваров он породил надежду получить от меня несколько тысяч номисм, а тех, кто разделяет догматы варваров, озлобил против меня, так

что побудил некоторых из них к нападкам на меня и к словопрениям, а ввиду того, что их аргументация во всем ином оказалась слабой, они ссылались на наше пленение как на свидетельство ненадежности нашей религии.

8. Похваляется же этот нечестивый, ненавистный Богу и преступный род, что возобладали над ромеями благодаря своей любви к Богу, не ведая того, что этот мир лежит во зле (1 Ин. 5, 19) и над его большей частью господствуют чаще всего злые люди, рабы преисподней, силой оружия одолевающие соседей. Вот почему весь период до Константина, который, царствуя, воистину руководствовался любовью к Богу, идолопоклонники владели почти всей экуменой, а после него снова в течение длительного времени ею правили люди, которые ничем или почти ничем не отличались от них. Поэтому мне кажется, что с этими людьми, похваляющимися вследствие своей порочности, происходит то же самое, что и с эллинами, преданными, по словам апостола, превратному уму (Рим. 1, 28), ибо, познав Бога, не прославили Его и не возблагодарили (Рим. 1, 21) Его как Бога. Ведь и эти люди так же познали Христа — говорят же они, что Он Слово и Дух Бога⁷ и, кроме того, что Он рожден от Девы⁸, действовал и учил Божественным образом, был взят на небо, остается бессмертным и должен прийти, чтобы судить весь мир⁹. Познав таким образом Христа, они не прославили Его как Христа, то есть как Богочеловека и Слово, но истину заменили ложью (Рим. 1, 25) и уверовали в обычного смертного человека, который был погребен, — речь идет о Магомете, — возблагодарили его и последовали за ним. И это вместо того, чтобы последовать за Богочеловеком и бессмертным и вечным Словом, Тем, Кто, если и вкусил смерть во плоти, то только для того, чтобы уничтожить смерть (Евр. 2, 14) и стать Родоначальником вечной и чистой жизни, которая никогда не могла бы быть дана в результате страстей, смерти и воскресения обычного человека. Вот почему все, кто воскрес и прожил нашу смертную жизнь, умерли снова. Над Христом же, воскресшим из мертвых, смерть уже не имеет власти (Рим. 6, 9) и, более того. Им предвозвещается будущая, причем вечная жизнь. Итак, людей, о которых идет речь, за то, что они, познав Христа, не прославили и не возблагодарили (Рим. 1, 21) Его как Христа, Бог предал превратному уму, страстям и бесчестию, так что живут они постыдно, не по-человечески и богопротивно, подобно Исаву, с детства ненавистному Богу и лишенному отцовского благословения: они живут луком, мечом, в распутстве, находя удовольствие в порабощении людей, убивая, грабя и похищая, предаваясь бесчинству, разврату, содомскому греху. И они не только совершают все это, но и вследствие какого-то безумия полагают, что Бог одобряет их действия. Вот что я теперь думаю о них, лучше узнав их образ жизни.

9. Нас, да будет вам известно, окружала там многочисленная толпа мужчин, женщин и детей: одни из них хотели исповедоваться и получить лекарство от болезней души, другие желали разрешения некоторых проблем, касающихся веры, большинство же спрашивало, почему наш народ в такой мере оставлен Богом, а другие оплакивали случившееся со мной несчастье. И вот, после того, как мы провели там семь дней, а на седьмой день претерпели объяснения с варварами, пытавшимися выявить возможность увеличения суммы нашего выкупа, нас повели по дороге к Пигам. И если бы я захотел рассказать о страданиях, которые пришлось нам перенести в течение этого пути, то не хватило бы ни чернил, которых у меня теперь в избытке, ни бумаги.

10. Итак, за три дня мы были доставлены в Пиги. И первым делом нас, чрезмерно измученных дорогой и тем, что имело место во время пути, оставили под открытым небом, несмотря на то, что день был очень холодным. Затем через некоторое время меня с монахами отделили от всех, и снова были использованы угрозы, которые даже слышать было невыносимо, с тем, чтобы вынудить нас повысить стоимость выкупа. Когда же они ничего не добились — ведь потребности дня — вот все мое состояние, и этому можно было бы найти многих свидетелей — когда они не добились того, чего так сильно желали, они не привели в исполнение свои угрозы, а отослали нас к церкви Христа, которая силою Его и сейчас еще там сохраняется и открыто славит Его. После всех всевозможных бурь, о которых шла речь, эта церковь нам показалась спокойною пристанью. Жили вокруг нее и монахи, и миряне — воистину добрые пристани для прибывающих туда пленников. От них и мы получили немалое утешение.

11. Так вот, я со всеми, кто находился со мной, был гостеприимно принят етериархом Маврозунисом¹⁰, который выделялся среди других своим благородством. Он нам и кров предоставил, и одел нас, лишенных одежды, и дал нам есть, ибо алкали мы, и напоил нас, ибо жаждали мы (Мф. 25, 35); и более того, он содержал нас почти три месяца, освободив к тому же от общения с варварами. Он попросил нас и предоставил нам возможность проповедовать, как это принято, в Церкви и утешать духовно как местных христиан, так и приводимых туда пленников.

12. По прошествии, как я уже сказал, приблизительно, трех месяцев мы, словно вырванные из этого места рукой нечестивых, были доставлены в Прусу, куда прибыли на четвертый день пути. В Прусе те, кто выделялся среди христиан своей мудростью, встречаясь с нами, затрагивали важные вопросы, и это в столь неблагоприятный момент — ведь нас окружали варвары. Но борющиеся за благочестие не принимали это в расчет, неожиданно для себя видя перед собой того, кто, по их мнению, мог бы говорить о вещах, о которых они страстно хотели [услышать].

13. Через два дня мы покинули Прусу и на второй день пути прибыли в какое-то селение, расположенное на холме. Оно было окружено находившимися на значительном удалении от него горами и утопало в тени деревьев. Это селение, открытое ветрам, дующим то с одной, то с другой горной вершины, располагает чрезвычайно холодным источником и отличается свежим климатом даже в летнее время. Именно поэтому там проводил лето могущественнейший из варварских властителей¹¹. Когда же я вместе с другими пленниками был приведен туда, внук великого эмира¹² прислал к нам своего человека пригласить меня, одного из всех пленников, к себе. И он сел со мной на мягкой траве в окружении небольшого числа архонтов. После того, как мы уселись, мне подали фрукты, ему — мясо. Во время еды он спросил, неужели я никогда не ем мяса и почему. Когда я ответил ему на это, что полагается, со стороны подошел некий человек и, объясняя причину своего отсутствия, сказал: «Только сейчас я смог исполнить назначенное великим эмиром в пятницу распределение милостыни». После этого началась длительная беседа о милостыне.

14. Исмаил — так звали внука великого эмира, — обратившись ко мне, спросил: «Практикуется ли у вас милостыня?». Я ответил, что истинная милостыня порождается истинной любовью к Богу, и чем больше любят Бога, тем больше становятся поистине милосердными. Он спросил снова,

принимаем ли мы и любим ли мы их пророка Магомета. Поскольку я ответил отрицательно, он спросил о причине. Когда же я дал подходящее для него объяснение и сказал, что тот, кто не верит словам учителя, не может любить учителя как учителя, он сказал: «Вы говорите, что любите Эса,— так называл он Христа,— и в то же время утверждаете, что он был распят»¹³. Я согласился и быстро разрешил кажущееся противоречие, показав добровольный характер, природу и славу страстей Господних и бесстрастность Божества. Тогда он снова спросил: «Как вы можете поклоняться дереву и кресту?» Я дал ему и на это объяснение, которое вложил в меня Бог. При этом я заметил: «Ты, вероятно, и сам благосклонно отнесешься к почитающим твой символ и в высшей степени будешь недоволен теми, кто оскорбляет его; трофеем же и символом Христа является крест». Он, все еще желая острословить в отношении нашей религии и высмеивать ее как нечестивую, сказал: «Вы говорите, что Бог имел женщину, ибо утверждаете, что Он родил Сына».

15. Я же ответил ему: «Турки признают Христа Словом Бога, рожденным от Девы Марии, Которую мы почитаем как Богоматерь. Итак, если Мария, родившая во плоти Христа, не имела мужа и не нуждалась в муже, так как родила во плоти Слово Бога, еще в большей степени обоснованно то, что Бог, рождая Свое Собственное бесплотное Слово бесплотным и Божественным образом, не имел женщины и не нуждался в женщине, как вы это неправедно предполагаете». Он, однако, на это не разгневался, хотя, по словам тех, кто его знает, является одним из самых жестоких людей и злобных врагов христиан.

16. И так как после этих слов хлынул проливной дождь, он вскочил и бегом удалился, а я вернулся к другим пленникам и перенес с ними ливень под открытым небом. Вечером, к концу дня, когда ливень прекратился, наши конвоиры, собрав нас всех вместе, привели к тирану. И по его приказу нас доставили в соседнюю область, которая в давних времен была населена ромеями и где находилась резиденция царских послов. Таким образом, мы имели возможность посещать их каждый день и пользовались с их стороны попечением и утешением немалым, хотя трудности, связанные с резкостью и суровостью климата и отсутствием необходимого при моих болезнях, не могли быть устранены их добрым желанием.

17. В связи с тем, что у эмира заболела печень, прибыл по вызову добрый Таронитис — самый боголюбивый и боголюбимый из врачей. Он, который все делал для меня, решив, что и морально, и физически мне полезно было бы переселиться в Никею, пытался убедить в этом эмира. А тот спросил его обо мне: «Кто этот монах и что за человек?» Когда он ответил, эмир сказал: «У меня также есть мудрые и выдающиеся люди, они с ним вступят в диспут» и тотчас послал за хионцами, людьми, ничего не изучившими и ничему не наученными сатаной, кроме бесстыдной хулы в отношении Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия. О том, что произошло и что было сказано после их прихода, составил письменные заметки присутствовавший на диспуте Таронитис, сам видевший и слышавший это. Желающие могут узнать обо всем, ознакомившись с распространенным им сочинением.

18. Знайте же, что я поселился теперь в Никее, где, располагая некоторым досугом, коротко рассказал вашему милосердию о событиях, связанных с моим пленением, опустив то, что касается наших братьев во Христе, ради Него оказавшихся вместе со мной в плену. Чтобы вы получили представле-

ние о некоторых, похожих друг на друга событиях, имевших место в Никее, следует сказать, что варвары приставляют к нам стражу только тогда, когда перегоняют из одного города в другой город или местность. Если бы кто-нибудь взялся изложить в сочинении вопросы, которые варвары задавали нам, наши ответы на них и то, как они соглашались с этими ответами, и вообще все разговоры во время пути, познакомиться с ним было бы чрезвычайно приятно для христиан. Но как только стражники приводили нас в указанную им местность или город, каждый из них уходил к своим близким, позволяя нам жить, где мы хотим, посещать, что мы хотим, и встречаться, с кем бы мы ни пожелали; думаю, что и это не без высшего Промысла.

19. Итак, когда они по своему обычаю оставили нас свободными в Никее, мы спросили, где в этом городе больше всего проживает христиан. И узнав, что таким местом является район около монастыря св. Иакинфа¹⁴, мы тотчас явились туда и были приняты местными жителями по их желанию и молитве. Внутри монастыря, за его стенами, мы нашли прекрасно украшенный храм и колодец со свежей водой, расположенный между разного рода тенистыми и красиво цветущими деревьями, своей тенью и благоуханием доставляющими достаточное удовольствие и успокоение. Там мы остановились, вернее, я остановился, поскольку был один. Что же касается боголюбнейшего хартофилака¹⁵, который ранее меня был приведен к эмиру, то я еще не знал точно, где его поселили, а иеромонахи Иосиф¹⁶ и мой Герасим¹⁷ были тогда уже в Константинополе. А Констанс Каламарис¹⁸ в тот момент еще находился один в Прусе. Он жил в доме выкупившего его боголюбезного местного жителя, так как еще не полностью оплатил ему выкуп за себя. Он находился там до тех пор, пока я, прибыв в Пруссу, с помощью Бога, вернее, с чудодейственной помощью Бога, не выкупил полностью его и не стал он свободным. Я тогда не взял его с собой, ибо не знал, где остановлюсь. Теперь же, вызванный моим письмом, он живет со мной и услуживает мне: свободный — пленнику. Пусть это будет дополнением к удивительным рассказам: пленник дарует свободу своему собрату по плену и, не будучи господином самого себя, имеет в услужении свободного человека!

20. Так вот, как я уже сказал, поселился я тогда один. На следующий день я вышел, чтобы осмотреть восточные — так они и назывались — ворота города, ибо они были ближе всего ко мне. Что говорить о высоте и красоте сооружений и военных укреплений? Город в этом плане во всех отношениях знаменателен, хотя это теперь для него без пользы. Когда же я прошел ворота, то недалеко от них на открытом месте увидел высеченный из мрамора куб, казалось, готовый для использования в каких-то целях. И тогда я спросил оказавшихся здесь людей, для чего служит этот куб, выставленный вне города, но в непосредственной близости от него и, таким образом, имеющий какое-то назначение. Они мне объяснили, для чего служит этот куб. Наш разговор еще не закончился, как мы услышали вопли, доносящиеся из ворот города, и, повернувшись на звук, увидели группу варваров, несущих умершего и направляющихся прямо к кубу. Мы посторонились и, медленно передвигаясь, стали держаться на таком расстоянии от них, чтобы видеть и слышать, что они делают и говорят.

21. В глубоком молчании они все приблизились к кубу. Присутствующие — в этом приняло участие большинство из них — подняли покрытый

белой плащаницей гроб с умершим и торжественно поставили его на куб. Затем они разместились вокруг, а в центре встал один из тасиманов — так они называют служителей своих храмов. Подняв руки, он закричал, и они тоже закричали. И это было сделано три раза. После этого те, кто должен был предать умершего захоронению, поднимают гроб и несут его дальше, а остальные вместе с тасиманами возвращаются домой.

22. Тогда возвращаемся и мы и вслед за ними входим в те же самые ворота. Увидев, что тасиман с некоторыми другими сел в тени, падавшей от ворот, чтобы насладиться свежестью воздуха — ведь был июль, — а напротив него, как можно было предполагать, сидели христиане, сели и мы. Так вот, усаживаясь там, я спросил, знает ли кто оба языка, чтобы помочь мне. Когда, действительно, такой нашелся, я попросил его, чтобы он от моего имени сказал туркам: «Я нахожу хорошим ритуал, совершенный вами там, вне города: ведь вы тогда, восклицая, просили за умершего и обращались к Богу — к кому же иначе? Я был бы рад узнать, что вы сказали Богу». Через того же переводчика тасиман ответил: «Мы просили у Бога прощения грехов для души умершего».

23. Внимательно выслушав, я сказал: «Хорошо. Но давать прощение надлежит всегда судьбе. Однако и вы считаете, что судьей всего рода человеческого явится Христос. Следовательно, необходимо призывать Его и к Нему обращать молитвы. Значит, и вы, так же как и мы, призываете Его как Бога, сознавая, что Он неотделим от Отца, как природное Его Слово. Ведь не было никогда такого, чтобы Бог был бессловесным и был без Своего природного Слова». Тасиман ответил: «Раб Бога и Христос». Я же в свою очередь сказал ему: «Любезнейший, нужно, однако, иметь в виду, что Он будет судить так же, как и вы это говорите, живых и мертвых (2 Тим. 4, 1; 1 Петр. 4, 5), которые воскреснут и обступят Его, предсезающего на страшном и неподкупном суде во время грядущего пришествия Его. Авраам же, ваш прародитель, — и у вас это записано; ведь вы утверждаете, что почитаете написанное Моисеем, и у евреев это, как можно видеть, свято хранится — так вот, Авраам говорит Богу: «Судия всей земли поступит ли неправосудно?» (Быт. 18, 25). Таким образом, Тот, Кто будет судить всю землю, Сам есть Бог, Который, по пророку Даниилу, есть Царь всего и на все времена, Сушый не кем иным, как Отцом по Божеству, так же, как солнечное сияние есть не что иное, как солнце, проявляющее себя в свете». Тасиман имел недовольный вид. Помолчав чуть-чуть, он начал говорить более многословно, ибо многие христиане и турки собрались, чтобы послушать. Итак, он стал говорить, что они чтят всех пророков и Христа и четыре книги, написанные от Бога, из которых одна — Евангелие Христа. И в заключение он сказал: «Почему же вы не принимаете нашего пророка и не верите его книге, также нисшедшей с неба?»

24. Ему тогда я сказал: «У вас и у нас есть обычай, утвержденный длительным временем и законом: без свидетельств ничего не принимать и не почитать за истинное. Свидетельства же бывают двойного рода: они идут от самих дел и явлений, или от людей, достойных веры. Так, Моисей покарал Египет знаменами и чудесами (Пс. 134, 9), жезлом заставил море расступиться и вновь сомкнуться, по его воле хлеб выпал с неба (Исх. 16, 4). Нужно ли еще что-нибудь говорить, поскольку и вы считаете Моисея достойным веры? Он был и Богом признан как Его верный раб (Числ. 12, 4), но не Сыном и не Словом. Затем по Божественному повелению он взо-

шел на гору и умер, и соединился с теми, кто был до него (Втор. 32, 49—50). В отношении же Христа, совершившего многие великие и небывалые деяния, имеются свидетельства самого Моисея и других пророков. От начала века Он один признается, даже вами, Словом Бога; Он один от начала века рожден от Девы; Он один от начала века взят на небо и остается там бессмертным; Он один от начала века, как надеются, снова снизойдет оттуда, чтобы судить живых и мертвых (2 Тим. 4, 1; 1 Петр. 4, 5), которые воскреснут. Говорю же я о Нем то, что и вами, турками, признается. Вот почему мы веруем в Христа и верим Его Евангелию. Что же касается Магомета, то мы не находим ни свидетельств о нем у пророков, ни чего-то необычного и достойного упоминания в его деяниях, способного вызвать веру в него. Поэтому мы не веруем в него и не верим его книге». Было видно, что сказанное поставило тасимана в затруднительное положение, тем не менее он защищался, говоря следующее: «В Евангелии было написано о Магомете, но вы уничтожили это свидетельство¹⁹. Однако, выйдя из крайних пределов Востока, он, как ты видишь, победителем дошел до Запада».

25. Я же ему сказал: «В нашем Евангелии решительно ничего, никогда и никем из христиан не было уничтожено или изменено. Ведь такое действие влечет тяжелые и страшные проклятия, и дерзнувший уничтожить что-нибудь в Евангелии скорее сам отвергается от Христа (Откр. 22, 19). Следовательно, как христианин мог сделать это? Мог ли быть христианином сам или вообще принятым в общение христианами уничтожающий то, что начертано Богом, что Сам Христос или написал, или предрек? С другой стороны, свидетельствуют (об этом) и многие разные языки, на которых Евангелие Христа с самого начала было изложено, ведь оно с самого начала не было написано на одном только языке. Если бы что-нибудь (там) было изменено, как могло остаться это незамеченным? Как могло у разных народов сохраниться до сих пор единство смысла? Евангелие Христа имеет и у многих инакомыслящих, которых мы называем еретиками. Из них некоторые в ряде вопросов согласны с вами, но они не могут найти подтверждение этого в Евангелии Христа. И даже те, кто выступает против нас с самого начала — и таких много, — не ссылаются на что-либо подобное. В действительности же в Евангелии можно найти явно противоположное: как же оно могло свидетельствовать в пользу противников? Кроме того, в Евангелии нет ничего, что бы не было предречено Божественными пророками. Таким образом, если бы в нем было написано что-либо благоприятное в отношении Магомета, это было бы написано и у пророков. Но ты скорее можешь найти написанным и невычеркнутым, что придут многие псевдохристы и псевдопророки и многих прельстят они (Мф. 24, 5, 11, 24; Мк. 13, 6, 22; 1 Ин. 4, 1). Поэтому Евангелие и призывает: «Не сбивайтесь же с пути вслед за ними» (Мф. 24, 4; Мк. 13, 5; Лк. 21, 8).

26. Моисей и пророки, бывшие от начала века до него и после него, все через смерть вернулись в землю и лежат, ожидая Судию с неба. Если бы так было и с Христом, то после Него пришел бы другой снова, который вззошел бы на небо и положил бы конец, ведь предел всему тому, что здесь, — небо. Поскольку же, как и вы это признаете, Христос вззошел на небо, здравомыслящие люди не ожидают никого после Него. Христос же не только вззошел на небо, но, как ожидают, Он снова придет — и вы соглашаетесь с этим. Поэтому Он есть и пришедший и приходящий и Тот, Чье при-

шествие ожидается снова (Откр. 1, 4, 8; 4, 8), и по праву никого другого мы не принимаем и не ожидаем.

27. Ожидается, что Он снова придет, чтобы судить людей. Почему? Потому что Он, как Он Сам сказал, пришел и воссиял свет в мире — это Он и Его учение, — а возлюбили люди, которые учили иному и расточали время в наслаждениях, скорее мрак, чем свет (Ин. 3, 19). Итак, чтобы мы не испытali этого, первый из учеников Христа говорит: «Будут псевдоучители и псевдопророки, которые введут пагубные ереси (2 Петр. 2, 1) и из любостязания будут уловлять вас льстивыми словами (2 Петр. 2, 3), и многие последуют их разврату» (2 Петр. 2, 2). Другой же, в свою очередь, говорит: «И если бы даже Ангел стал вам благовествовать не то, что мы благовествовали, да будет анафема» (Гал. 1, 8). Говорит же Евангелист: «Всякий дух, который не исповедует Господа Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога» (1 Ин. 4, 2—3). Следовательно, как может тот, кто говорит, что не есть от Бога, не признающий Господом явившегося во плоти Иисуса, признавать книгу, где говорится, что утверждающий это есть от Бога? Это невозможно, невозможно.

28. Пусть Магомет, отправившись с Востока, прошел победителем до Запада, но побеждал он войной, мечом, грабежом, порабощением, избиением людей. Из этого ничто не может исходить от Бога, Который добр. Скорее же это обусловлено волей человека и дьявола, от начала являющегося человекоубийцей (Ин. 8, 44). Что же, разве Александр, отправившись с Запада, не покорил весь Восток? Однако и многие другие в разные времена, предпринимая военные походы, нередко овладевали всей экуменой. Никому же из них никакой народ не вверял свои души, как вы Магомету. Впрочем, он, и силу используя, и наслаждения предлагая, не привлек на свою сторону даже одной целой части экумены. А учение Христа, хотя и отвергающее почти все удовольствия жизни, охватило все пределы экумены и господствует среди тех, кто воюет с ним, без всякого насилия и, скорее, торжествуя над насилием, которое всякий раз противопоставляется ему, так что в этом заключается победа, мир победившая» (2 Ин. 5, 4).

29. Тем временем находившиеся рядом христиане, видя, что турки вот-вот разгневаются, знаками показали мне, что пора прекращать говорить. Я же, чтобы разрядить обстановку, с легкой улыбкой сказал тем: «Если бы мы были согласны со словами друг друга, то придерживались бы одного учения. Но способный понять, пусть поймет значение сказанного» (Мф. 19, 12). Один из них сказал: «Настанет когда-нибудь время, когда мы придем к согласию друг с другом». И я согласился с этим и высказал пожелание, чтобы такое время пришло как можно скорее. Но почему я сказал это людям, которые с точки зрения веры живут сейчас иначе, чем будут жить, когда такое время наступит? Я согласился, потому что вспомнил слова апостола о том, что пред именем Иисуса Христа преклонится всякое колено и всякий язык будет исповедовать, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца (Рим. 14, 11; Флп. 2, 10—11); это будет, во всяком случае, во время второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа.

30. На этом собрание в тот день разошлось. О последующих событиях разум хочет написать, но рука бессильна. А то, что написано, я написал для вас, желающих узнать это: ведь дети желают знать, что происходит с отцом, и, прежде всего, дети, сознающие свое духовное усыновление.

31. Когда я был с вами, то, трудясь в слове (1 Тим. 5, 17), я и в частных

беседах и публично учил всех пути к спасению, ни в чем не таясь, даже если я и казался некоторым тяжелым человеком; таким образом, и теперь, не будучи с вами и подвергаясь испытаниям, я пишу вам как можно кратко, ни в чем не таясь, что наше богатство — Христос Бог живой и истинный (1 Фес. 1, 9), засвидетельствованный не только Богом Отцом и пророками Бога, но и самими творениями и делами. Поэтому справедливо Он требует и от нас к Себе веры живой, истинной и засвидетельствованной Богом и учителями, которые от Бога, и самими творениями и делами. Это будет, если мы будем жить по заветам Евангелия. Таким образом, дух евангельской благодати, по апостолу, будет сосвидетельствовать с нашим духом о том, что мы суть дети Бога, а если дети, то и наследники — наследники Бога, сонаследники Христа (Рим. 8, 16—17).

32. Такова живая вера. Ведь вера без дел мертва (Иак. 2, 17, 20, 26), — говорит другой из глашатаев веры. Мертвый же не приятен живому Богу, так как Бог не есть Бог мертвых, но живых (Мф. 22, 32; Мк. 12, 27; Лк. 20, 38). Следовательно, не совершающий благих дел имеет мертвую веру и сам мертв, ибо не живет в Боге и не пребывает в Нем, Единственном, Кто дает истинную и чистую жизнь. И так до тех пор, пока он, подобно блудному сыну, не осознает, чего он лишился, уйдя от дел жизни, и не вернется к Богу через дела раскаяния и не услышит от Него, как и тот блудный сын: «Этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15, 24). Таким образом, и вера его будет живой. Ибо вера, которая не подтверждается делами спасения, скорее, не вера, а неверие, скорее, не исповедание веры, а ее отрицание. Это подтверждается и словами сказавшего: «Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и неспособны ни к какому доброму делу» (Тит. 1, 16). Другой же из апостолов говорит: «Покажи мне веру свою из дел своих» (Иак. 2, 18). И кто верит, пусть покажет своим добрым поведением дела свои (Иак. 3, 13). Что пользы, если кто говорит, что имеет веру, а дел не имеет? Может ли вера спасти его (Иак. 2, 14)? Никким образом! Ты веришь, что Христос есть Бог, единый с Отцом и Духом Святым? Хорошо делаешь. Однако и демоны веруют и трепещут (Иак. 2, 19), говоря: «Мы знаем, Кто Ты есть, Сын Бога Всевышнего» (Мк. 1, 24). Они, однако, остаются демонами и врагами Бога, ибо противятся Богу делами.

33. Смотрите, чтобы с вами не случилось подобное тому, что случилось с этими неразумными, только не в вопросах вероучения, как у них, не в отношении веры, говорю я, а образа жизни. Ведь они называют Рожденного от Девы и Словом Бога, и Духом Его, и Христом, то есть Богочеловеком, а затем в безумии бегут от Него, как будто бы Он не есть Бог, и отвергают Его. Берегитесь и вы оказаться в таком же положении: называя добродетели и евангельские заветы справедливыми и благими и отвергая их делами, как будто бы они не суть таковые; представляя то, что есть благо как не благо для вас, а достойное желаний, как то, чего следует избегать.

34. Скажи: поверит ли тебе кто-либо из неверных, когда ты скажешь, что веришь в Того, Кто девственен, рожден от девственного Отца вневременно и предвечно, а позднее — во времени от Матери Девы, хотя и сверхъестественным образом, кто поверит тебе, если не будешь блюсти девственности или пусть даже соблюдать благоразумие, а наоборот, будешь одержим страстью к чужим женам и предаваться разврату? Как ты, упивающийся вином и наедающийся до пресыщения, можешь представлять себя сыном по

духу Того, Кто до сорока дней постился в пустыне и жизнью Своей узаконил воздержание? Как ты, любящий несправедливость, можешь выставлять себя таковым в отношении Призывающего судить и действовать праведно (Ин. 7, 24)? Не знающий жалости — в отношении Говорящего: «Будьте милосерды, как и Отец ваш Небесный милосерд» (Лк. 6, 36)? Любящий богатство — в отношении Называющего несчастными тех, кто обогащается (Лк. 6, 24)? Не проявляющий сострадания и великодушия к совершающим ошибки, а также ни кротости, ни долготерпения, ни смирения — в отношении Проявившего их деяниями Своими и Призывающего к ним словом? «Научитесь от Меня,— говорит Он,— ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11, 29). И еще: «Если каждый из вас не простит от сердца своего согрешений братьев ваших, Отец ваш Небесный не оставит согрешений ваших» (Мф. 6, 15). И даже находясь на кресте, Он, являя нам Собой пример, говорил Отцу: «Не возлагай эту вину на распявших» (Лк. 23, 34).

35. Но кто-нибудь скажет: «Он был Бог, поэтому стоял выше зла». Я бы мог многое сказать на это, но обстоятельства не позволяют. Однако и от тебя мы требуем не Божественной, а человеческой добродетели. Прояви ее начало, а Бог даст завершение. Отвратись от зла, приди в страну добродетели, возмись за свершение дел раскаяния и, проявив терпение, не только получишь от Бога венец человеческой добродетели, но и приобретешь вместе с этим сверхъестественным образом и сами Божественные добродетели через вхождение в тебя Божественного Духа. Именно так происходит обожение человека. Ибо тот, кто соединяется с Богом через дела добродетели, становится с Богом единым духом (1 Кор. 6, 17) через благодать Божественного Духа. Пусть она всегда будет со всеми вами (Евр. 13, 25; Откр. 22, 21) ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Землетрясение 2 марта 1354 года, в результате которого был разрушен прибрежный город Галлиполи. Последующий захват его турками-османами явился важным этапом в утверждении их государства на Балканах.

² Гомер. Илиада, I, 4—5.

³ Медими — 0,102 м³; следовательно, водоизмещение судна было 81,6 м³.

⁴ Св. Григорий Палама серьезно заболел в конце 1352 г. Высказывались опасения за его жизнь (Pg. t. 151, col. 625 Д). В Константинополь он отплыл, еще не совсем оправившись от болезни.

⁵ Имеется в виду борьба св. Григория Паламы против Варлаама и его последователей.

⁶ Сулейман, старший сын эмира Орхана, который руководил операцией по захвату Галлиполи.

⁷ Коран, IV, 169/171. ⁸ Там же, III, 42/47. ⁹ Там же, IV, 169/171.

¹⁰ Из других источников о Маврозунисе ничего неизвестно.

¹¹ Эмир Орхан.

¹² Сын Мурата.

¹³ Коран (IV, 156/157) отрицает распятие Христа.

¹⁴ Монастырь св. Иакинфа со знаменитым собором Успения известен с 787 г. (См.: R. Janin. Les églises et le monastères des grands centres byzantins. Paris, 1975, p. 121—124).

¹⁵ Хартофилак Салоникской архиепископии.

¹⁶ Иосиф Калофет, известный деятель исихастской партии и писатель. См.: Τσατση Γ. Ιωσήφ Καλοφετού Ευυγραμματα, Θεσσαλονίκη, 1980, σελ. 26.

¹⁷ Из других источников неизвестен. ¹⁸ То же.

¹⁹ Коран, LXI, 6.